Глава - 3.

Когда она открыла глаза, они уже прибыли к морю.

— Вау! Так близко! — это было первым, что произнесла Юки, когда вышла из поезда.

Она могла видеть океан со станционной платформы. Вид не был кристально чистым; белый песчаный берег был представлен во всей красе не далее одного метра от защитного ограждения вокруг платформы.

— Похоже, эту станцию построили после войны. А, взгляни, там написаны инструкции, — Инахо указал на стену станции.

Была ли это записанная «История возникновения» или что-то подобное? Там указывались полная хронология того, как строилась станция, вместе с причиной, почему она располагалась так близко к берегу.

Станция проржавела тут и там, придавая этому месту немного скорбный вид. Это случилось из-за морского бриза? Без каких-либо видимых причин Юки пыталась провести рукой по ржавчине на вывеске. Она была неровной и хрупкой. В результате ее пальцы окрасились в темно-красный цвет. Юки взяла Инахо за руку и покинула станцию.

Океанский ветер весной оказался холоднее, чем она предполагала. Запах пляжа навис над всеми окрестностями. Запах рыбы и других живых существ.

— Так на пляже действительно пахнет рыбой.

— Что? — Юки обернулась на слова своего брата. — Нао-кун, ты впервые на пляже?

— Да.

— Ты не ездил в школьную поездку? Для урока социальных наук или чего-то такого..?

— Не-а. Мы ездили на завод, но море там не было по-настоящему близко.

— Понятно... так это твой первый раз, хех.

В таком случае она задалась вопросом, могло ли это оставить после себя легкое впечатление у Инахо. Юки размышляла, могло ли что-то такое небольшое его впечатлить.

Был ли он в курсе чувств своей сестры или нет...

— У тебя песок в обувь попал.

Инахо, который снял обувь, чтобы очистить ее от песка, выглядел довольно беззаботно и невинно, даже больше, чем обычно. В то же время, сомнения промелькнули в ее мозгу, может она видела то, что хотела увидеть?

Дыхание от вздоха Юки донесло тепло до её холодных пальцев.

Между отапливаемым вагоном и холодным морским бризом была огромная разница.

Юки стояла перед необычно ново выглядящим автоматом, установленным рядом со зданием станции, и дважды без колебаний нажала кнопку выбора кукурузного супа.

Бам. Звук падения банки прозвучал успокаивающе для ее ушей.

В то же время чувствовалось что-то ностальгическое, наверное, потому что практически все автоматы на общественных дорогах оказались уничтожены сразу же после войны. Это сделали, чтобы сохранить энергию и предотвратить преступность. Даже в таких довольно спокойных странах, как эта, в дни после трагедии подобные «ящики с сокровищами» не оставались нетронутыми.

Падение Небес оказалось всем, что потребовалось миру, чтобы погрузиться в хаос.

Была одна вещь, за которую Юки, будучи ребенком, чувствовала вечную благодарность. Благодаря их возрасту, она и Инахо попадали под защиту государства.

Каждый день телевидение без конца передавало одни и те же новости: о взрослых на грани смерти, утративших все средства к существованию, и о медленном восстановлении страны. Все вели себя так, будто бы здесь не было никакого противоречия.

— Иди сюда, Нао-кун. Она немного горячая.

— Спасибо.

Инахо осторожно держал банку между ладонями, будто проверяя, насколько теплой она была. Юки перед ним приоткрыла банку и со вздохом удовольствия отпила теплого супа.

— Это действительно идеально... старый добрый кукурузный суп.

— Да.

Она чувствовала, как густая смесь медленно распространялась по телу.

— Нельзя выловить всю кукурузу из кукурузного супа, хех.

— Скорее всего, ты можешь.

— Как? — Юки в недоумении округлила глаза от неожиданных слов брата. Своим крошечным пальцем он указал на нижнюю часть обода банки.

— Я недостаточно силен, но ты, вероятно, сможешь выпить все, если немного сомнешь нижний край.

— Смять его?..

— М-м, проще говоря, часть с углублением удерживает кукурузу, хотя ты в то же время не сможешь вернуть ее обратно.

— Подожди, подожди. Как ты узнал об этом?

На этот раз настала очередь Инахо смотреть на нее в замешательстве. Его маленькая голова наклонилась вбок, как будто он хотел что-то сказать, несмотря на свое смятение.

— Как? Прочел это в интернете в библиотеке...

— Говоришь, что прочел об этом... а что насчет кандзи? Разве ты еще не знаешь множества кандзи?

— В библиотеке был словарь кандзи. Кроме того, существуют разные словари и справочники, так что я могу найти то, что хочу.

— Понятно.

— Юки-нэ, когда тебя что-то интересует, ты ведь просишь кого-нибудь рассказать тебе об этом или ищешь в справочнике? Здесь то же самое.

— Верно...

То же самое — в самом ли деле то же самое? У Юки не было возможности узнать. Когда они жили в Доме, и даже после того, как они переехали в свой дом, Инахо не проявлял склонности к чтению или исследованию чего-нибудь перед Юки.

— Ты изучаешь все в библиотеке? Ты не делаешь этого дома?

— Нет. Многие из книг, которые я читаю, громоздкие и тяжелые, поэтому я не могу взять их домой. Вот почему в библиотеке я читаю столько, сколько могу.

— Точно...

Она понятия не имела об этом. Если подумать, Инахо много времени проводил в районе библиотеки. Теперь, когда Юки задумалась об этом, то вспомнила, что рядом с Домом находилась библиотека. Она слышала, что коллекция книг там была скорее из общественного центра... И, если подумать, она чувствовала, что там находились куда более специализированные книги, сложные для ребенка.

Столкнувшись с новой информацией о том, как проводил свое время ее младший брат, Юки почувствовала немалое потрясение. Потрясение происходило не от нелюбви к посещению библиотеки.

Оно шло от осознания того, как мало она знала об Инахо.

— ... Юки-нэ, ты не собираешься пить? Остынет.

— Что? А, верно. Сейчас допью. Да.

Юки сделала небольшую вмятину в банке, как сказал ей брат. Наклонив банку, она была так удивлена тем, как много супа хлынуло ей в рот, что случайно выпила все одним глотком.

— Что?! Вау!

— Видишь? Все, как я и сказал.

— Им следует сразу же продавать их чуть смятыми, если от этого такая большая разница. А, Нао-кун, я и тебе так сделаю.

— Спасибо.

Схватив его банку двумя руками, она надавила своими пальцами. Когда банка издала шипящий звук, которого не было, когда она смяла свою банку, Юки без причины рассмеялась.

Конечно, ее младший брат рядом с ней не имел никаких причин для смеха.

Время шло, а птицы не появлялись. Ни одной особи в громадном белом небе.

Сидя на покрывале, расстеленном на песчаном берегу, Юки обиженно смотрела на белое небо. Инахо, который, похоже, полностью отказался от наблюдения за птицами, развлекал себя, выкапывая песок возле скалистой поверхности у изогнутой кромки берега.

— Нао-кууууун! — крикнула Юки, заставив Инахо, который находился немного поодаль, обернуться. — Не уходи еще дальше!

Он поднял палку, которой выкапывал песок, как бы говоря: «Да, да, я понял».

— Блин... — ее вздох был сметен морским бризом. — Я чувствую себя идиоткой...

Скорее всего, с самого начала было самонадеянно с ее стороны предполагать, что она могла дать брату нечто запоминающееся. В конце концов, Юки являлась его сестрой, а не родителем. Возможно, лицемерно было считать, что она могла дать ему что-то сейчас, после того, как прошло так много времени. Нет, не возможно. Это было тщеславно и лицемерно. Может, Юки и являлась его единственной семьей, но теми, кто отвечал за рост Инахо в Доме, были сотрудники заведения и медсестры.

Она чувствовала, как что-то давило на ее плечи. Иногда, когда Юки играла с детьми своего возраста, она притворялась равнодушной старшей сестрой, которая действовала так, как если бы игры, по её мнению, были единственной вещью, которой она могла заниматься.

Она размышляла, изменилось ли что-то сейчас. В те времена они спали под одной крышей и ели одну еду, но все же...

Почему она посчитала, что лишь теперь она была в состоянии понять своего младшего брата?

— Я такая идиотка...

Звук волн, разбивавшихся о берег, отдавался болью в ее ушах в тот момент. Он оказался идеально синхронизирован с биением ее сердца, как если бы волны вводили в него отчетливое чувство беспокойства.

— ...тц!

Охваченная разочарованием, Юки схватила маленькую ветку, упавшую на песчаный берег. Она понятия не имела, хотела ли она ударить ею кого-нибудь или бросить ее еще дальше. В любом случае, она хотела выразить свою злость каким-нибудь удобным способом.

Но ветка так и не пролетела над пляжем или песчаным берегом. Она полетела по диагонали в обратную сторону. Ветка, которой Юки размахнулась, вылетела сзади из ее руки и...

— Ай!

Вопреки всему, упала на голову незнакомца.

Юки вздрогнула.

— А, п-простите!

Со страхом в голосе, она мгновенно обернулась. Молодой человек, сидевший на выброшенной на берег коряге, недовольно смотрел прямо на нее. Рядом с ним валялась брошенная Юки ветка — или, скорее, вылетевшая из рук.

В панике Юки быстро побежала по песку к мужчине.

— П-простите...! Вы ранены?

— Да, — холодно заявил человек.

— Что?! Где вы ранены?!

— Нога сломана.

Взглянув, она увидела большой гипс поверх его ноги.

— А? Это?..

Это явно было сделано не крошечной веткой Юки.

— Похоже, что хоть вы и ранены, но не из-за меня.

Мужчина был одет в нечто, похожее на больничный халат. Видимо, он оказался госпитализирован со своей сломанной ногой, а затем, заметив Юки на пляже, решил подшутить над ней, чтобы убить время?

Юки обиженно взглянула на него.

С раздражающим смешком мужчина достал измятую сигарету и спичку из кармана и отточенными движениями зажег сигарету. Сделав длинную затяжку, он повернулся к ней и выдохнул дым.

— Эй! — возмутилась Юки.

— Ой, виноват. Я оказался настолько шокирован ударом этой ветки, что действовал, не задумываясь.

Его манера говорить оказалась довольно ребяческой, даже по сравнению с детьми. Далекая от чувства возмущения, Юки поразились. Возможно ли, что он был более незрелым, чем бесчисленные взрослые, встречавшиеся ей до сих пор?

— Ты думаешь, что я несерьезный?

— Ага, думаю, — она откровенно кивнула. Как правило, она не позволяла себе такого грубого обращения к взрослым, но с этим парнем они находились на одном уровне, это факт.

— ...вы одни вдвоем?

— А?.. Ну, да.

Взгляд мужчины упал на блуждающую фигуру Инахо.

— А где родители?

— Их здесь нет. Они погибли при Падении Небес, — откровенно ответила Юки. Про себя она закричала: «О, черт!»

Теперь, когда она подумала об этом, этот неприятный тип не обязательно являлся таким простым, каким казался.

Что, если он солгал о своей сломанной кости и теперь воспользуется этим шансом, чтоб напасть на нас?

Только Юки собралась аккуратно отойти от мужчины, как...

— Понятно... Прости, — произнес мужчина тихим голосом.

Это полностью разрядило обстановку.

Какого черта? Он извиняется за это?

Более не в состоянии по каким-либо причинам подозревать его, Юки улыбнулась и со смехом произнесла:

— Вы не должны извиняться... Мы не единственные такие.

— !..

Его глаза распахнулись. Юки была удивлена такой неожиданной реакцией.

— Ч-что такое?

— Ничего... Я не думал, что кто-то сможет сказать подобное с улыбкой на лице...

Юки смущенно засмеялась.

— Но, знаете ли, в настоящее время мы не единственные сироты...

В конце концов, количество сирот войны исчислялось миллионами. Их было так много, что было бы смешно жалеть каждого из них.

— Это правда, что многие потеряли родителей из-за войны, — мужчина сделал паузу. — Но именно из-за этого ты не можешь позволить себе сожалеть.

— Что? — мгновение она не понимала, обдумывая только что сказанное им.

— Все в одной лодке, так что вы не единственные... Вот что останавливает тебя от жалости к самой себе.

Как только пришло понимание слов, Юки отчаянно закачала головой в отрицании.

— Это не совсем то, что я имела в виду!

— Я тоже потерял близкого друга на войне.

Юки моргнула от удивления.

— Я солдат. Я могу упасть замертво в любую минуту с момента, как начинается бой. Работа такая. Вот почему нельзя отбросить смерть приятеля как «нечто, что случается с каждым»

— Но...

Юки не понимала.

Она не понимала, что говорил мужчина. Она не понимала, что ей следовало сказать этому странному человеку.

— Но этот мальчик... мой младший брат никогда не знал родителей. Как будто бы они никогда и не существовали... и вы все еще утверждаете, что я единственная, кто не может позволить себе сожалеть об этом? Это просто притворство. У этого мальчика ничего нет... Он не выражает эмоции, он не может оставаться таким..!

— Моя сестра не может горевать из-за семьи, потому что есть я... если бы я был твоим младшим братом, я бы не был поглощен таким пессимизмом.

Юки поразились.

— Плачь, когда грустно. Улыбайся, когда весело. Не стесняйся выплескивать эмоции, когда чувствуешь, что сходишь с ума. Я не знаю твоего младшего брата, но я вижу, что ты тоже безэмоциональна.

— Я..?

— Ты не можешь показать свои истинные чувства лишь поверхностными действиями. Если это та сторона, которую ты показываешь своему брату, то, — он затушил сигарету о корягу и выбросил ее на песок, — перестань быть старшей сестрой.

— Чтооооо?

Она стала ярко-красной от злости перед его глазами.

Нет, на самом деле она не побагровела, но Юки настолько разъярилась, что у неё было ощущение, как будто это произошло.

— Да что вы знаете?! — Юки яростно закричала на мужчину, схватив его за рубашку. — Это всё потому, что он моя единственная семья!

Конечно же, кончик ее носа нагрелся от волнения.

— Он мой брат, слышите меня!

— ... но ведь на самом деле все не из-за этого?

— Что?!

Разъяренная этим бессмысленным разговором, она кричала все громче и громче. Дразня ее, мужчина ткнул Юки в щеку.

— А в душе ты плакса, ведь так?

Она застыла. В этот момент Юки, наконец, поняла, что плакала. Кончик её носа был не единственной частью, ощущавшей жар. Все то, что текло из ее глаз, все то, что исходило из её глубоко запрятанного внутреннего «я», ощущалось настолько горячим, что она никогда не могла представить себе такого.

Она нахмурилась.

— Тупой идиот! Вы второсортный солдат!

Высказав эти откровенные оскорбления на прощание, Юки убежала. Даже не оборачиваясь, она знала, что мужчина наблюдал за ней с легкой улыбкой на лице.

Перестать быть старшей сестрой? О чем он говорил?

— Черта с два я так сделаю!

Юки захотела обнять своего брата в этот же момент. Она не могла сдержать это желание в себе...

3-3

— Разве это не означает, что ты заставил девушку плакать?

После того, как Юки ушла, со стороны моря появился парень в очках. Было похоже, что он до сих пор не привык к своему лабораторному халату. Для постороннего это выглядело так, как будто бы халат носил в себе человека, а не наоборот.

Человек с гипсом обернулся на юношу и открыто нахмурился.

— Убирайся, работник на полставки. Заткнись и выбрось уже вату, — он сплюнул, пока зажигал новую сигарету.

— Боже, курение не принесет тебе пользы. Оно запрещено, ты знаешь?

— Все потому, что санаторий — место для некурящих.

— Не совсем так. Ну хватит, пожалуйста, отдай то, что в твоём кармане. Иначе я сообщу властям.

— Черт...

Когда мужчина неохотно передал потертую коробочку, юноша достал одну сигарету, зажег и глубоко затянулся.

— Так ты сам хотел закурить, хех... — мужчина в гипсе обиженно посмотрел на юношу.

Задумчиво хмыкнув, парень в халате наклонил голову и вытащил сигарету изо рта.

— Не оставляет особо хорошего послевкуся, не так ли?

Похоже, что он, как ни странно, курил в первый раз.

— Однако, благодаря этому, я нахожусь с тобой в одной лодке. С этим ничего не поделать, поэтому я продолжу держать это в секрете от врачей. Ну, я всего лишь студент меда, который попросил своих родственников помочь с рабочим местом. Я даже не интерн — так какую ответственность я несу?

— Ха, не думал, что ты хочешь умереть раньше времени.

— Ты показываешь свое беспокойство обо мне? Как мило с твоей стороны.

— Убирайся...

Мужчина прекрасно знал, что у него не было никакого права читать лекции ребенку. Любой, кто знал бы о его ситуации, сказал бы, что он был слишком самонадеян, чтобы спасти кого-то, и прежде всего он должен был позаботиться о себе.

— Я просто не мог стоять и смотреть на нее...

Он вспомнил покорную улыбку на лице той девушки, когда она сказала: «Вы не должны извиняться... Мы не единственные такие».

— Эта девушка, похоже, она еще даже не закончила обязательную школьную программу. И все же она улыбалась с таким взглядом...

Мужчина хотел вытянуть из неё детские эмоции, поэтому и дразнил её, желая подтолкнуть к этому.

— Я совершенно уверен, что она в ярости. Бедная девушка.

— Хорошо. Если она может рассердиться, то она в порядке.

Юноша удивленно засмеялся и сел рядом с мужчиной.

— Знаешь, когда я закончу свое шестилетнее обучение в университете, сдам экзамены и без происшествий пройду двухлетнюю стажировку, я возьму на себя семейную больницу.

— Вот как.

— Я не могу тратить свое рабочее время, но всегда могу тебя выслушать, лейтенант Марито.

— ... придержи это до тех пор, когда сдашь.

Марито знал имя, написанное на бирке лабораторного халата: «Ягараи». Если подумать, он был точно уверен, что его передали на попечение больнице Ягараи, маленькой частной клинике в городе Шинавара.

— Нашими постоянными пациентами являются дети и пожилые люди. Это хорошее место.

— Ха. Удачи, студент меда.

3-4

Сморкаясь в платок и вытирая слезы о рукав, пока он не намок, Юки вернулась туда, где находился Инахо.

В первую очередь она хотела не допустить, чтобы брат увидел её заплаканное лицо. Юки не хотела, чтобы прочным воспоминанием Инахо о его первой поездке оказались слезы его сестры.

— Взгляни, Юки-нэ.

Ее младший брат в мгновение ока оказался рядом, чтобы представить приближавшейся сестре

свой дневной урожай: серый камень с его ладонь с кучей дырок размером с его мизинец.

— Что это?

— Это раковина моллюска. Их называют ангельскими крыльями.

— Ангельские кр...

— Может их и называют ангельскими крыльями, но это моллюски, не птицы. Я видел в книге, как иногда они проваливаются в песок подобным образом. Когда я проверил, то они были здесь.

— Они как окаменелости...

— Они могут выглядеть как окаменелости, но ими не являются. Это редкая находка, но не думаю, что они стоят столько же, сколько и окаменелости.

— Вот оно как...

Не стоят так много — эти слова тяготили Юки. Что за черт? Если он думал, что эта поездка так мало стоила, то им вообще не следовало ехать. Конечно, она знала, что Инахо не имел в виду ничего такого.

— Что случилось, Юки-нэ? — ее младший брат вглядывался в нее из-за того, что она внезапно замолчала.

— Нет, ничего! — Юки небрежно повернулась спиной, чтобы избежать взгляда этих темно-карих глаз, а затем добавила несколько более веселым тоном, — Нао-кун, давай съедим ланч?

Когда они вернулись к месту, где лежало их покрывало, мужчины с гипсом уже не было видно. На его месте стояли две банки сока, как бы в качестве извинения.

— Это ты купила их, Юки-нэ?

— Нет, но все будет в порядке, если мы выпьем их.

— Правда? Это не шутка?

— Все нормально.

— А, автомат перед станцией продает их.

— Ты помнишь это, Нао-кун?

— Мхм. Все в порядке. Даже если что-то случилось, камера видеонаблюдения, установленная в автомате, скорее всего, сделала снимок лица виновного.

Юки была той, кто купила кукурузный суп. Инахохватило времени, чтобы оценить модель автомата? размышляла она. С другой стороны, она ведь думала об Инахо.

— Все же газировкой со вкусом дыни не запивают рис, — когда Юки представила, как тот безнадежный человек покупал дынную газировку для нее и Инахо, она не могла не улыбнуться. Она отчаянно пыталась подавить смех, чтобы Инахо, не знавший о ситуации, не подумал, что она странная. — Давай допьем это дома?

— Хорошо.

Единогласно (ну, единогласно настолько, насколько возможно, когда есть всего лишь два человека) они решили положить дынную газировку в рюкзак. Вместо неё Юки кротко достала ланч, приготовленный ей утром.

Она знала, что в итоге получилось — это были жалкие усилия.

— Рисовые шарики немного твердые, — вздохнула Юки, пока грызла рис, который держала своими пальцами.

— Мм, возможно, в них недостаточно воды.

В тот момент, когда она развернула платок вокруг ланча, ее обьяло нехорошее предчувствие. Ему не хватало аппетитного запаха ланча ее мамы, который та делала в прошлом, когда Юки была еще ребенком. Скорее всего, это было неизбежно, учитывая, что она делала омлет в качестве гарнира, но...

Несмотря на это, она хотела, по крайней мере, сделать приличные рисовые шарики.

Сверху они были твердые, как сталь, и довольно холодные. Если бы Юки не взяла с собой чай в бутылке, скорее всего, их было бы сложно глотать.

— Слишком соленый... — пробормотала она, отведав кусочек омлета.

— Все нормально, если есть его с рисовыми шариками, — с трудом глотая яйцо за яйцом, Инахо набил рот рисом.

Юки наблюдала, как ее младший брат ел только из-за того, что беспокоился за нее. Он выглядел крайне жалко по какой-то причине; его нос сморщился от горечи даже несмотря на то, что в еде не было никакой сушеной японской сливы (вид приправы).

— Безднадежно... вкус ужасен.

Чем сильнее она заставляла себя не плакать, тем сильнее её зрение размывалось и труднее становилось сдерживать слезы. Однако если бы Юки вытерла свои глаза, Инахо бы обнаружил, что она плакала. В результате Юки наклонила голову и сделала вид, что набивает рот рисом.

— Все в порядке, еда просто соленая. Она восстановит уровень соли, которую ты потеряла, пока плакала.

Юки с тревогой посмотрела на него.

— Блин, Нао-кун, ты дурак... Тебе следовало вести себя так, будто ты не заметил...

— Хорошо, в следующий раз так и сделаю.

— Я не это имела в виду...

Инахо достал кусок ткани из кармана и передал Юки. Люди из игорного салона выдали им ее перед станцией. В попытке развеять смущение она взяла ткань, и ее сердце не выдержало.

— Прости. Я не дала тебе ничего стоящего, Нао-кун. Даже несмотря на то, что я твоя единственная семья... — произнесла шепотом Юки, не встречаясь взглядом с Инахо, пока

убирала ланч. В итоге он доел её ланч, не оставив ни одного кусочка. И все время повторял: «все хорошо, все хорошо».

— В следующий раз я приготовлю омлет для тебя, Юки-нэ, — заявил Инахо.

— Что?

— Ты ведь действительно любишь омлеты.

Как он узнал это? Юки ни разу не говорила о своих воспоминаниях насчет омлетов Инахо.

— Нао-кун, как ты узнал?

— Потому что яичница в Доме была сладкой... Иногда ты заставляла думать, что в действительности ты хотела съесть омлет, Юки-нэ.

— Ты мог сказать лишь из-за этого? Что мне нравятся омлеты?

— Я имею в виду, — его темные глаза взглянули прямо на Юки, — ты являешься моей сестрой, Юки-нэ.

Она моргнула.

Просто услышать эти слова было достаточно.

— Понятно...

Юки чувствовала нарастающее ощущение легкости в своем животе.

Понятно — я была встревожена. Что только думает обо мне мной младший брат? Признает ли он меня как старшую сестру — раз и навсегда?

— Юки-нэ, я — твоя семья.

— Да...

— Я посмотрю в интернете, как готовить омлет. Самый простой способ — сделать омлет с менцую.

— Менцую? Как в супе с лапшой?

— Да. Его делают из бульона и соевого соуса, поэтому можно использовать его в качестве ароматизатора.

— Менцую, хех... Это никогда не приходило мне в голову.

— Можно использовать менцую для всех видов жареной еды, не только для омлета. Его действительно легко использовать, поэтому... думаю, я смогу сразу всё сделать.

— Нао-кун...

— Со временем, когда я стану лучше готовить, я сделаю тебе правильный омлет с лапшичным супом.

— Хорошо... спасибо тебе. Нао-кун, спасибо...

Мирные, ритмичные вибрации поезда создавали комфортную атмосферу для них двоих. Если бы не случайный звук, произведенный поездом, когда тот проезжал железнодорожный переезд, то они могли уснуть, как и в тот раз, когда они впервые прибыли.

— Нао-кун, я хочу, чтобы ты мне рассказал. Почему ты тогда отомстил тем хулиганам? — тихо заговорила старшая сестра Инахо, заставив его плечи слегка вздрогнуть. — Нао-кун, ты умный, поэтому... ты ведь не мог не знать, что бы произошло, если бы ты отомстил им?

Так что у тебя была надлежащая причина, верно?

Инахо опустил глаза из-за этого вопроса. Его взгляд вонзился в его плотно сжатые кулаки. В тот момент Юки знала, что Инахо был в ярости.

— Я не мог позволить им сделать это.

— Сделать что?

— Они не могли получить нужную реакцию от меня, поэтому... они собирались взяться за Юки-нэ...

Похоже, они чуть было не закидали камнями со второго этажа Дома Юки, чтобы посмотреть, как отреагирует Инахо.

— Почему ты не рассказал взрослым?!

— Не думаю, что они бы мне поверили. Когда меня обижали, те люди каждый раз закрывали на это глаза.

Он понятия не имел, в какой момент хулиганы решили бы навредить его сестре, если бы дела шли так и дальше. Инахо знал, что причинять боль другим было плохо. Он мог представить упреки, которые ему высказали бы позже. Но если Юки — его драгоценной семье — собирались причинить вред, то здесь было не о чем думать.

— Прости, Юки-нэ... — пробормотал Инахо.

Юки притянула брата за плечо так близко, как только могла.

— Спасибо, Нао-кун... но я думаю, что ты зашел слишком далеко с камнями.

— Да, согласен.

— Хорошо, что ты честный, — произнесла Юки, поглаживая его по голове. Инахо оттолкнул ее своим маленьким локтем. Сначала она подумала, что её брат смутился, но оказалось, что он искал что-то в нагрудном кармане. — Что-то случилось?

— Ракушки ангельских крыльев нет.

— Что? — Юки отпустила его плечо, как будто оно было охвачено огнем.

Инахо встал и вывернул наизнанку свои нагрудные карманы и карманы брюк. Затем, поняв, что то, что он искал, нигде не найти, сел обратно.

— Я положил её в карман, но, похоже, она выпала...

— Ну, это нехорошо. Тебе не следовало класть нечто важное в карман, если оно так легко теря...

— Да... я действительно хотел что-нибудь на память о пляже...

— А? Что-нибудь на память?

— Да, так как мы не смогли увидеть птиц... но теперь уже не важно, — не подавлено и не вызывающе пробормотал Инахо. — Скорее всего, я никогда не забуду этот день, поэтому неважно.

— Понятно.

Неописуемое тепло заполнило сердце Юки.

Может быть, только лишь может быть, единственной, кто считал, что у них нет общей связи, была она.

Теперь, чтобы укрепить эту связь до состояния камня...

— Нао-кун, возьми мою руку.

— Я думал, мы всегда держимся за руки.

— Так в чем проблема? Ну же, дай мне свою руку.

— ...

Ничего не сказав в ответ, он позволил своей маленькой ручке лечь на колено Юки. Мог бы кто-либо описать состояние её младшего брата как не «смущенное»?

Ее младший брат всегда был красноречив. Его выражение лица могло и не меняться, но он всегда описывал в точности, что ему нравилось, а что — нет, даже когда поддерживал легкую беседу ни о чем со своей сестрой.

Юки просто заикнулась на том, чего не знала, на его отсутствии эмоций, поэтому не могла понять его — но Инахо никогда не менялся. Тем, кто закрыл ее глаза, была она сама.

Но она больше не допустит эту ошибку. Никогда.

Обогреватель в поезде принес чувство расслабленности, сменившее прежнее неловкое настроение.

Окна цвета индиго отражали беспомощных брата и сестру. Да, не важно, насколько они сильны, они были беспомощными детьми, которые не могли защитить себя. Таким образом, они могли позволить себе побыть детьми еще немного дольше. Вот как считала Юки.

Она была уверена, что однажды наступит момент, когда они вырастут, вопреки их желанию. Она чувствовала это всем сердцем...